

С.А. Фомичев

Москва

«Отечество, сродство и дом мой в Москве», – писал Грибоедов. В конце XVIII века Грибоедовы жили на Пречистенке, в доме Федора Михайловича Вельяминова, а в 1795 году перебрались уже на Остоженку, в дом Парасковьи Шушириной (ныне — Остоженка, 34), пока не обосновались на Новинском бульваре (ныне дом 17; на нем — мемориальная доска), где перед войной жил Грибоедов. Снова попал туда проездом он только в 1818 году, а в 1823–1824 здесь заканчивал свое «Горе от ума», где запечатлел Москву послевоенную, со всеми ее колоритными уголками.

«Под городом, – гласит справка, – земли 16 120 800 кв. сажень <1 кв. сажень равна 4,552 кв. м.> Он разделен на 20 частей, в коих 90 кварталов. Мостовой в городе казенной — 7139, городской — 19 326, а обывательской 572 289 1/2 кв. сажень».

Московские расстояния из конца в конец в грибоедовское время достигали до семи верст. Протяженности улиц способствовал усадебный принцип застройки Москвы.

«С какою радостью, – писал Загоскин, – возвратился я опять на свое старое пепелище! Когда я въехал в Калужскую заставу, Москва показалась мне обетованного краю, земным раем и самым прекраснейшим городом в мире <...>. Сначала бесконечная Калужская улица, то есть длинное песчаное поле, по одной стороне которого разбросаны огромные каменные здания, а по другой тянется длинный ряд плохих деревянных домов, потом неопрятный рынок с запачканными лавками, а там Крымский брод со своими грязными огородами и безобразным деревянным мостом. Дальше Зубовский бульвар с тощими липами; рядом с каменными палатами домики, конечно, довольно красивые, но все-таки деревянные. Везде какое-то странное смешение городской роскоши с сельской простотою. Везде сады, огороды, овраги, горы, целые поля...»

Скалозубовское, по обыкновению для него неловкое, определение: «Пожар способствовал ей много к украшению», — в сущности, отзывалось банальностью, которая была в то время на устах у всех, особенно у приезжих, удивленных быстрым возрождением из пепла опустошенного неприятелем города. На месте пепелищ возникала ампириная Москва дворянских особняков. Уже в 1813 году Мерзляков писал:

«С нами совершаются чудеса божественные <...>. Москва, разрушенная, опустошенная, уже лучший город России. Уже все, что нужна, удобность, удовольствие, самая роскошь может требовать, находится в ней с изобилием <...>. Топор стучит в тысячах рук, кровли наводятся; целые опустошенные переулки становятся по-прежнему застроенными; улицы заставлены обозом с лесом и материалами; народу тьма; нигде нет проезда, а особливо в теперешнее время — деятельность неизъяснимая! Наверно полагать, что к весне будет готово домов около тысячи отделанных <...>. Возрожденный Английский клуб <...> свидетельствует свое почтение».

Следы пожара, однако, долго еще сохранялись. Прибывший в Москву в 1821 году современник пишет:

«Едем по большой Немецкой улице — все дома новы, свежи, чисты, нигде и следов пожара, но стоило только свернуть с большой улицы в любой переулок, чтобы увидеть другое. Нескончаемые пустыри, усеянные развалившимися печами с торчащими над ними трубами между репейников и крапивы, представляли для глаз картину страшного истребления».

После появления «Горе от ума» в русской культуре утвердилось определение «Грибоедовская Москва» — едва ли не первым в печати его употребил Вяземский. Под таким же названием печаталась в РА переписка двух московских барышень, а также написанная по материалам семейного архива Римских-Корсаковых книга М. Гершензона (1913) — их дом на Тверском бульваре (снесен, на месте дома 3 по Пушкинской площади), по преданию, отождествлялся с «домом Фамусова».

В 1959 году в Москве установлен памятник Грибоедову (скульптор А.А. Мануйлов, архитектор А.А. Заварзин).